
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

Болонина А. Л., Шиманская О. К.*

В статье рассматривается соотношение универсальных принципов прав человека как основания современной структуры международных отношений и национальных подходов к их реализации в суверенных государствах на примере Китайской Народной Республики. Права человека как составная часть глобализации в Китае преломляются через национальную традицию главенства государственных интересов над интересами индивида. Китайская концепция прав человека переосмысливает конфуцианство, либерализм и марксизм, говоря о необходимости соблюдения коллективных прав народа на социально-экономическое развитие и обеспечение стабильности и безопасности государства, сохранения национального суверенитета. Анализируются дискуссии о китайской специфике понимания прав человека и их реализации, их трансформации в условиях взаимозависимости экономик стран мира и растущего экономического потенциала Китая.

Ключевые слова: права человека, международные отношения, глобализация, Китай, суверенитет, коллективные права.

The article considers the correlation between universal principles of human rights as a base for contemporary organization of international relations and country-specific approaches to their implementation in sovereign states as exemplified by the People's Republic of China. Human rights being a part of globalization are transformed via the national tradition of the supremacy of state interests over individual ones. The Chinese human rights conception comprises and redefines Confucianism, liberalism and Marxism emphasizing the necessity to respect in the first place people's collective rights for socio-economic development and guaranteed stability and security of a state, to preserve its national sovereignty. The article analyzes the discussions on the Chinese specificity of understanding human rights and their implementation, and its transformation in the context of interdependence of world economics and China's growing economic potential.

Keywords: human rights, international relations, globalization, China, sovereignty, collective rights.

---

* Болонина Александра Леонидовна – магистр факультета международных отношений экономики и управления Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: alleandrleo@gmail.com.

Шиманская Ольга Константиновна – к. ф. н., доцент кафедры культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: shimansk@mail.ru.

Участники международных отношений сегодня отличаются разнородностью по уровню экономического развития, культуре, историческим традициям и религии, но все они в той или иной степени перешли в фазу усиления межцивилизационного взаимодействия – глобализацию. Процессы глобализации и демократизации стран мира способствуют тому, что все политические акторы оказываются под влиянием международных процессов. Это касается и тех государств, которые исторически ограждают свою внутреннюю политику от внешнего вмешательства. Особый интерес в данном контексте представляет сфера прав человека, с одной стороны, являющаяся неотъемлемой составляющей внутренней компетенции государства, а с другой – четко регулирующаяся нормами международного права, декларациями и соглашениями, поддержанными государствами в ООН, хотя их понимание трансформируется под воздействием глобализации.

Под вопросом оказывается принцип универсальности прав человека [Кирхшлегер 2014]. Идея универсальности человеческих прав, проистекающая из убежденности в их естественном происхождении, имеет западное происхождение. Западная концепция прав человека формировалась на протяжении многих веков и нашла свое отражение в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Т. Пэйна, Т. Джефферсона и др., а также таких документах, как «Билль о правах» 1689 г. (Англия), «Декларация независимости» США 1776 г., «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. (Франция). Происхождение принципа универсальности обуславливает трудность его применения в других регионах, в которых он не имел места в развитии национальной философии. Как следствие, он больше не может применяться к современному миропорядку повсеместно, так как будучи введенными на национальном уровне одной страны, определенные права неприменимы на национальном уровне другой страны.

В статье «Глобализация и национальный суверенитет» Л. Е. Гринин [2008] рассматривает эволюцию двух понятий и их взаимное влияние, делая вывод о том, что их взаимозависимость ведет к неизбежному сужению внутренних дел государства, а международное право при этом расширяется. И действительно, расширение прав человека на государственном уровне ведет к неизбежному увеличению ответственности правительства за их соблюдение и защиту не только перед своими гражданами, но и перед международным сообществом. В этом смысле оно становится более уязвимым и контролируемым, поскольку применяемая система прав человека может оказаться навязанной и даже чуждой его интересам. В выигрыше оказываются те государства, чья парадигма является наиболее распространенной и поэтому доминантной, экспортируя ее в иные страны, они создают рычаг давления на последних. Таким образом, права человека как часть модернизации становятся глобальным трендом [Ту Вэймин 2014], составной частью глобализации.

Можно говорить о попытке унификации международной правовой системы как неотъемлемой части глобализации. На современном этапе исследование проблемы прав человека исключительно на национальном уровне невозможно вследствие развития глобальных процессов. Несмотря на популярность термина «глобализация», дать его четкое определение проблематично, поскольку сферы ее действия и влияния достаточно расплывчаты. Политологи ограничивают глобализацию распространением демократических институтов. Культурологи рассматривают ее как вестернизацию культуры, включая американскую экономическую

экспансию. Р. Робертсон рассматривает это явление как «конкретную глобальную взаимозависимость» [Robertson 1992], М. Уотерс – как «социальный процесс» [Waters 2000]. В целом глобализация выступает как переход к доминированию в политике наднациональных учреждений (ООН, НАТО, «Большая семерка»), в экономике – транснациональных корпораций и наднациональных органов (Всемирный банк, ВТО), складывание глобальной культуры, преимущественно массовой и западной. Очевидно, что такой процесс вызывает серьезное противодействие (движение антиглобалистов) [Глобалистика... 2006].

О негативном влиянии глобализации на защиту прав человека рассуждает Дина Шелтон в статье «Защищая права человека в глобализированном мире» [Shelton], аргументируя свою позицию тем, что в то время как глобализация расширяет возможности гражданского общества по защите прав человека за пределами государства, другие участники получили благодаря этому возможность их нарушать. Автор поднимает вопрос о рамках развития глобализации и ее негативном воздействии. Идея «побочного эффекта» глобализации выражена и в статье Делфин Рабет «Права человека и глобализация: миф о корпоративной социальной ответственности?» [Rabet 2009: 463], в которой заявляется об отсутствии реального диалога между универсализмом глобализации и концепцией прав человека в национально-государственном измерении. По мнению автора, они оба ставят цель улучшения человеческого благосостояния, но это невозможно из-за устройства глобального экономического порядка, в котором все большую роль играют негосударственные акторы.

Понимание неразделимости феномена глобализации и его негативных последствий отражено в работах А. Н. Чумакова. Автор рассматривает глобалистику в качестве двусоставного явления и признает необходимость изучения не только ее сущности, но и последствий – глобальных проблем. Говоря о глобальном миропорядке, Чумаков приходит к выводу, что глобальный мир как единое целое лишь только регулируется, но вовсе не управляется – ни явным образом, ни латентно [Чумаков 2014]. Отсутствие механизмов управления ведет к созданию благоприятной обстановки для «опротестования» той или иной позиции по правам человека, поскольку нет единого центра принятия решений, уполномоченного утверждать универсальные принципы. Это создает различные спекуляции на тему сути прав человека и их источников, что провоцирует размывание границ понятия «нарушение прав человека», являющегося на данный момент актуальной проблемой международных отношений. Если универсальный характер прав человека ставится под вопрос, их реализация определенно не универсальна и при этом требует особого подхода.

Дихотомия понятий «национальный суверенитет» – «глобализация», «универсальность прав человека» заставляют мировое сообщество задуматься, являются ли права человека «товаром на экспорт»? Существует ли какая-либо универсальная парадигма, которая была бы применима ко всем государствам, вне зависимости от их культурной и исторической специфики? Возможно ли преодолеть этот камень преткновения в международных дискуссиях на тему прав человека? Является ли глобализация в этом контексте негативным феноменом действительности?

Вышеперечисленные вопросы не имеют однозначного ответа, и наиболее вероятно, что эти ответы будут зависеть от политического влияния тех или иных

акторов. Таким образом, права человека являются не только предметом споров, но и рычагом давления, «совокупностью материальных и нематериальных структур, институтов и процессов, обуславливающих международную жизнь» [Цыганков 2008: 34] – иначе говоря, фактором международных отношений. Нематериальная и институциональная база прав человека обширна. Такие органы, как Совет по правам человека ООН, система договорных органов ООН по правам человека, Международный суд, многочисленные НГО (Amnesty International, Human Rights Watch), являются элементами реализации и защиты прав человека, опирающимися на Декларацию прав человека 1948 г., международные пакты о правах, договоры и конвенции ООН, а также на международные правовые обычаи. Тем не менее и эти институты и нормативные документы в большей степени отражают понимание прав человека именно в западной концепции и выражают призыв проявлять заботу и беспокойство об их соблюдении во всех странах мира. Все страны, подписавшие декларацию, обязуются выполнять ее положения и осуществлять в рамках своей юрисдикции мероприятия, направленные на просвещение народа и распространение идей прав человека [Цыганков 2008]. Однако отсутствие разграничения четкой «юрисдикции» государств и механизмов контроля над исполнением обязательств по декларации создает определенные преграды для обеспечения верховенства прав человека по всему миру.

Таким образом, возникает целостная система, в которую входят непосредственно международные организации, правительства стран мира, экспертное сообщество, неправительственные организации (в частности, правозащитные), фиксирующие нарушения прав человека как таковые. Поскольку трансграничность современных международных отношений исключает абсолютное обособление отдельного актора, каждая страна занимает в этой системе определенную позицию и становится частью «группы единомышленников». Таким образом, создается мощный механизм влияния на внешний и внутренний курс других государств. Стоит отметить, что данный механизм осложняется тем, что нарушение прав человека может носить неоднозначный характер в силу расхождений в законодательствах разных стран, что создает почву для дискуссий и усложняет достижение консенсуса в международных отношениях.

Особенность прав человека в том, что, являясь фактором международных отношений, они выходят за рамки конкретных специализированных институтов и становятся объектом обсуждения Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН. Более того, все чаще и чаще эта тема затрагивается в публичных заявлениях официальных лиц.

Позиции государств по проблеме нарушения прав человека могут значительно отличаться. Бас де Гай Фортман в статье «Права человека в контексте международных отношений» предлагает разделение акторов по их политическому поведению на две группы [Fortman 2011]. С одной стороны, это *наступательные* страны, делающие акцент на нарушениях прав человека в других государствах. Вторую группу составляют *обороняющиеся* государства, которые интегрируют всевозможные пакты и декларации, связанные с правами человека, в свое законодательство.

Сегодня обособленную группу составляют страны, обвиняемые в многочисленных нарушениях прав человека, но выступающие за независимость своей внутренней политики, частично изолируя ее от юрисдикции международного

права. Политики этих стран апеллируют к понятию суверенитета и принципа невмешательства. Опасность здесь в том, что изоляционизм может иметь агрессивный характер и выходить за рамки публичных дебатов. Вооруженные конфликты 2000-х гг. показали, что современные войны ведутся под эгидой защиты прав человека и распространения либерально-демократических режимов [Rieff 2003: 39]. Поэтому наблюдаются глубокие противоречия различных категорий международного права в сфере прав человека.

В соответствии с Декларацией о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств «ни одно государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства» [Декларация... 1981], однако в этом же документе отмечается, что Декларация «не затрагивает права на самоопределение, свободу и независимость народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или гнетом расистских режимов, и права добиваться и получать помощь в соответствии с целями и принципами Устава». Это положение используется с целью оправдания «права на вмешательство». Его правовым аналогом является гуманитарное право. Широкое распространение идей прав человека ставит под вопрос существование государственного суверенитета как такового, изменяя тем самым нормы международного права, в соответствии с которыми защита прав человека становится сферой интересов всего мирового сообщества, а не отдельного государства [Bettati 1996].

Неравномерная эволюция международно-правовых понятий, разногласия вокруг них свидетельствуют: главную роль в определении истины играют не факты, а их трактовка. Здесь можно говорить о влиянии политического дискурса – по определению Т. А. ван Дейка, дискурса политиков, реализуемого в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков [ван Дейк 1989]. Политический дискурс манипулирует понятиями, ведет к разночтению и вызывает противоречия. Внешнеполитический курс государств строится в зависимости от выбранного дискурса, который может не соответствовать реальному положению вещей, меняться в зависимости от текущих интересов. Это следствие амбивалентности международного права, отражающегося на реалиях международных отношений. Проблема прав человека не имеет единой трактовки и решения, что позволяет государствам камуфлировать реальные нарушения легитимными заявлениями. Это представляет потенциальную угрозу, поскольку нарушения не только не пресекаются, но и узакониваются.

Одним из самых мощных и вызывающих разногласия дебаты участников системы международных отношений ныне становится КНР. В Китае толкование права появилось относительно недавно. Слово «право» заимствовано для перевода западной концепции в конце XIX столетия, когда появилась необходимость искусственно ввести его в язык. На тот момент термин «права человека» не являлся самостоятельным, а сопровождался такими понятиями, как «демократизация», «национализм» и т. д., которые способствовали его осмыслению. Подобного рода ассоциации вызвали неоднозначное отношение: права человека представлялись неотъемлемой частью западной демократии и возникала угроза политическому режиму Китая. Партия Гоминьдан и КПК считали права человека «буржуазной идеей, не отвечающей революционным нуждам Китая, которые тре-

бовали от индивидуума принесения в жертву своих прав и свобод в интересах нации и партии» [Svensson 2006: 205].

Население страны в большинстве было представлено крестьянством. Оно часто находилось в условиях выживания, особенно в периоды стихийных бедствий (засух и наводнений) и междоусобных войн. Очевидно, что первостепенной заботой было удовлетворение минимальных витальных потребностей. Поэтому власть придает основное значение именно этой проблеме – обеспечению населения едой, одеждой [Делюсин 2006]. Политические требования второстепенны по отношению к экономическим, поэтому предпосылки формирования понятия «права» отсутствовали.

Исторически отличалось и понимание соотношения прав индивидуума и интересов государства. Западное видение отношений государства и личности отличается от восточной концепции, для которой первостепенное значение интересов страны, нации в целом преобладало над индивидуумом и его потребностями. Эта ценностная ориентация действовала на протяжении всей истории Китая вне зависимости от того, какие силы находились у власти, она объединяла и крестьянство, то есть большинство населения.

Тем не менее в XX в. понятие прав человека эволюционировало и стало неотъемлемой частью китайского общества, во многом уступив западной концепции. Об этом свидетельствуют широкие дискуссии на данную тему, зарождение правозащитного движения, а также использование понятия властями. Так, будучи еще заместителем председателя КНР, Си Цзиньпин заявлял, что китайское правительство будет по-прежнему придерживаться принципа «человек – превыше всего», а также принимать во внимание желания и требования народа КНР, чтобы непрерывно достигать успехов в деле защиты прав человека [Ситуацию... 2012].

Не стоит, однако, полагать, что либеральные заявления официальных лиц Китая означают кардинальные изменения во внутренней политике, и позиция, выраженная формулировкой «в этом деле идеала не существует, но всегда есть возможность для улучшения», дает повод для спекуляций на эту тему. Поиск этого идеала приводит к тому, что разрабатывается концепция прав человека в китайском видении.

Если раньше права человека считались западным изобретением, то к середине XX столетия появляются публикации о том, что прогрессивные идеи европейских мыслителей, приведшие к возникновению концепции прав человека, заимствованы из работ китайских философов – представителей трех течений – даосизма, легизма и конфуцианства, при этом центральное место аналитики отводят именно конфуцианству. В конфуцианской этике права императора дарованы небом и в ранг абсолюта возводится то, что страна управляется мудрецом. Учение Конфуция базировалось на отношении к другим с пониманием, терпением, милосердием, на поиске компромисса. Он рассуждал о моральном воспитании и образовании, социальном порядке и балансе [Pinghua Sun 2013]. Конфуцианство подчеркивает ответственность личности перед другими людьми и обществом, причем это относится как к простым людям, так и к правителям. Таким образом, речь идет об очерченном круге обязанностей, которые есть у каждого индивида. Самым важным элементом достойного управления является выполнение своих обязанностей государством и индивидом, диктуемое индивидуальным нравственным сознанием [Каидзука Сигэки 2007]. Его последователь Мэн-цзы развивал идею

о праве людей свергнуть жестокого правителя, игнорирующего их нужды и требования [A Source... 1969], однако она оказалась менее популярной среди высшего руководства.

Конфуцианский гуманизм создает основу для особого понимания проблемы прав человека, но при этом он не изолируется от внешнего мира. Успехи конфуцианского Китая, сумевшего избежать абсолютной вестернизации, показывают, что модернизация допускает разные культурные формы [Ту Вэймин 2014]. Так, например, когда Декларация прав человека была вынесена на голосование в 1948 г., Китай проголосовал за ее принятие. На симпозиуме, организованном ЮНЕСКО с целью рассмотрения положений Декларации через призму различных философских традиций, китайская сторона озвучила мнение о том, что права человека не только совместимы с китайской традицией, но и совпадают с некоторыми традиционными ценностями, – со ссылкой на учение Конфуция. Тем не менее эта совместимость не означала полное совпадение.

Особое видение проблемы прав человека – результат разделения ее марксистского и либерального понимания. Сторонники первого подхода утверждают, что при капитализме ущемляются «коллективные права человека», то есть права, затрагивающие интересы миллионов людей, которые поэтому неизменно выше прав индивидуальных. В речи, адресованной Генеральной Ассамблее ООН от 22 сентября 1999 г. министром иностранных дел Китая Тан Цзясюанем, подчеркивалось, что суверенитет государства есть необходимое условие и основа прав человека, которыми могут воспользоваться люди этой страны. В случае, если суверенитет оказывается под угрозой, защита прав ее населения также неэффективна.

Таким образом, китайский подход к проблеме прав человека отличается от западных моделей отказом от признания прав человека «абсолютным понятием» и отказом от отделения их от обязанностей гражданина, то есть в непризнании приоритетности прав человека над законами государства. Расхождение во взглядах на суть прав человека вылилось в последующие дискуссии и противостояние. До сих пор мировое сообщество критикует внутреннюю политику Китая, который, в свою очередь, придерживается иного мнения.

В ноябре 1991 г. *Beijing Review* опубликовал Белую книгу «Права человека в Китае». Она была представлена в качестве очерка о позиции Китая по вопросу о правах человека и непосредственной практике в этой области и призвана ознакомить международное сообщество с текущим положением вещей в стране. Текст послужил реакцией на волну критики, вызванной подавлением восстания на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. В январе 1996 г. был опубликован отчет «Прогресс в реализации прав человека». Оба документа позитивно описывали права человека в КНР, они написаны в «оборонительном» тоне [Brems 2001]. Китай признает, что его взгляды расходятся с понятиями ООН. «В силу разнообразия исторических, социальных, культурных и других условий различных стран расхождение между ними в понимании проблемы прав человека и практическом ее решении представляется нормальным явлением» [Прогресс...]. Белая книга отражает позицию Китая, согласно которой, несмотря на международный характер, права человека подпадают под юрисдикцию суверенного государства, и призывает к уважению этого принципа и невмешательству во внутреннюю политику страны под предлогом охраны прав человека.

Можно суммировать основные черты китайской официальной концепции прав человека.

Приоритет социально-экономических прав. Китай продвигает идею иерархии прав, в которой предпочтение отдается социальным и экономическим правам, а гражданским и политическим придается второстепенное значение. В Белой книге 1991 г. отмечалось, что «право на жизнь является наиболее важным, без которого невозможно обеспечение иных прав человека» [Прогресс...]. Вместе с тем китайское правительство считает свой вклад в развитие международной правовой системы и успехи в искоренении бедности среди сотен миллионов человек за несколько десятилетий недооцененными международным сообществом.

Парадигма развития. В Китае права человека представляются благородной целью, к которой стремятся все страны в зависимости от уровня внутреннего развития, а не обязательств, их связывающих. Здесь прослеживается влияние культурного релятивизма, когда в оценке ситуации вокруг прав человека неприменима какая-либо идеальная модель другого государства или региона. И хотя Китай официально признает универсальность прав человека, он настаивает: различия по вопросу прав человека, возникающие на почве социальных, культурных и исторических особенностей, естественны и неизбежны. Концепция универсальности права трансформируется в принцип «достижения целесообразности», впервые упомянутый в «Национальном плане действий в области прав человека» от 2012 г.

Акцент на правах большинства. Китайская концепция не разделяет индивидуализм как основание прав человека. Она рассматривает эту проблему через призму общества, делая упор на коллективных правах. Иными словами, никто не может ставить свои личные права выше прав общества или государства.

Стабильность как обязательное условие обеспечения прав. Важнейшая обязанность государства – поддержание общественного порядка, даже если это осуществляется за счет ущемления прав определенных групп людей. Исходя из этого, безопасность сама по себе наиважнейшее право.

Названные характерные черты значительно обособляют Китай от международного права, но постепенно КНР все больше уступает международному праву под влиянием глобализации. Глобализация интегрирует КНР в мировые процессы. Однако экономическое развитие страны значительно опережает политическое. Участие в международных делах требовало от Китая не только интеграции в соответствующие структуры ООН (например, Совет по правам человека), но и подписания различных договоров и конвенций (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, дискриминации женщин, апартеида, геноцида и по защите прав беженцев, Конвенция против пыток).

Членство в ООН уменьшило изоляционизм КНР. Китай активно участвует в разработке структуры Совета и его создании в целом, добиваясь того, что приблизительно половина (26 из 47) мест в Совете была отведена странам Азии и Африки, ставку на которые он делал в принятии или отклонении тех или иных резолюций. В результате КНР стала одним из первых членов Совета в 2006 г. (первый созыв) и была переизбрана в 2009 г. [Sceats, Breslin 2012], тем самым закрепив свои позиции в этой организации. Председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая 15 сентября 2005 г. на встрече глав государств – членов ООН, выдвинул идею

совместного строительства гармоничного мира на основе его культурно-цивилизационного многообразия, вновь подчеркивая готовность Китая взаимодействовать с международным сообществом по проблеме прав человека.

Несмотря на старания КНР соответствовать идеалу демократического государства, разногласия в трактовке прав человека остаются. Это подчеркивают такие события, как подавление властями в 1989 г. восстания на площади Тяньаньмэнь, приведшее к изменениям позиций Китая в ООН. Спустя всего два месяца после трагических событий подразделение Комиссии по правам человека приняло резолюцию по «ситуации в Китае». Тогда впервые внутренняя политика постоянного члена Совета Безопасности ООН была подвергнута критике. Авторитет КНР был подорван, что, в свою очередь, вынудило ее пойти на уступки. Правительство провело амнистию политических заключенных, открыло доступ в тюрьмы для Международного комитета Красного Креста. Китай начал вести двусторонние переговоры со странами ООН по вопросам прав человека. Такая реакция на критику выразила готовность страны соответствовать международным стандартам и делать уступки, в то же время не отрицая прав КНР ограничивать влияние на свою внутреннюю политику, придерживаясь принципа невмешательства и суверенитета.

Ряд договоров, принятых большинством стран в ООН, не были ратифицированы Китаем. Среди них Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция по защите прав трудящихся мигрантов и членов их семей и Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Подписание Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных, унижающих достоинство видов обращения и наказания (ратифицирована в 1988 г.) вызвало волну критики в адрес КНР в отношении Тибета и Синьцзяна, основывавшейся на заявлениях о том, что пытки распространены в системе китайского правосудия. Китай не принял подобные обвинения, указав на их безосновательность.

В 2000 г. в столице Китая прошел саммит, где была подписана Пекинская декларация по правам инвалидов, заложившая нормативно-правовые предпосылки для создания соответствующей конвенции. Стремясь к образу «демократического государства», Китай стал инициатором подписания Конвенции о правах инвалидов, принятой в 2006 г.

В продвижении своих интересов в сфере прав человека КНР удалось задействовать и другие комитеты Генеральной Ассамблеи. Так, например, наряду с Россией, Таджикистаном и Узбекистаном в рамках Первого комитета по вопросам разоружения и международной безопасности были осуществлены попытки ввести новый кодекс поведения, чтобы ограничить использование Интернета из-за опасений распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма. В Шестом комитете по правовым вопросам Китай призывал государства не применять универсальную юрисдикцию к странам, в том числе по вопросам прав человека, до тех пор, пока не будет иметь место полное и глубокое понимание концепции «универсальной юрисдикции» [Resolution... 2010]. В целом Китай занимает в международных организациях оборонительную позицию, пытаясь отразить критику в свой адрес. Так, например, в заявлении главы делегации КНР Ша Цзукана, сделанном на 58-м заседании Комиссии по правам человека, посол называет обвинения в адрес Китая «голословными», «неуместными комментариями» [Заявление...].

Китай занимает активную позицию, выступая за невмешательство во внутренние дела государств, налагая вето на интервенцию под предлогом защиты прав человека. КНР не упускает возможности отвечать критикой на критику, например говоря о нарушении прав человека в США. Пресс-секретарь МИД Хонг Лей, отвечая на комментарии госсекретаря США Джона Керри, призвал США фокусироваться на своих внутренних проблемах с правами человека, прежде чем выступать с безосновательной критикой в адрес КНР. Представитель МИД вновь подчеркнул, что США не имеют права выступать в качестве арбитра в этом вопросе [Китай... 2014].

Китайская концепция прав человека критикуется не только извне, но и изнутри – в китайском обществе. Зародившись с событий, связанных со «Стеной демократии», китайское диссидентство увеличилось качественно и количественно. Об этом свидетельствуют следующие цифры: количество административных задержаний увеличилось с 137 в 2012 г. до 358 в 2014 г., в то время как количество задержаний уголовного характера – с 80 до 442 [Silencing... 2014]. Развитие коммуникационных технологий, Интернета способствует распространению либеральных идей в обход государственного контроля.

Будущее международных отношений во многом зависит от позиционирования Китая. Можно предположить, что западные державы потеснятся перед развивающимися странами с быстрыми темпами экономического развития, которые традиционно скептически относятся к защите прав человека, видя в этом угрозу независимости и суверенитету и стремление Запада к доминированию. Китай, безусловно, является локомотивом этих стран. Перед КНР стоит дилемма дальнейшего развития. С одной стороны, либерализация законодательства откроет новые возможности для расширения экономического сотрудничества, но с другой стороны, это может дестабилизировать внутреннюю обстановку в стране и пошатнуть коммунистический режим. Китай, являясь постоянным членом ООН, влияет на существующий мировой порядок, его позиция по отношению к остальным членам предельно ясна, но по этой же причине двояка. Благодаря развитию коммуникационных технологий и давлению извне Китай вынужден отказываться от политики изоляционизма, с тем чтобы не оказаться на «политической окраине» и поддержать международный статус. С другой стороны, как подчеркивают ее лидеры, КНР категорически против вмешательства во внутренние дела государства под предлогом охраны прав человека, что является юрисдикцией самого этого государства, частью его национальной безопасности.

Литература

Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Нью-Йорк : ЕЛИМА, Питер, 2006. С. 164–168.

Гринин Л. Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) // Полис. 2008. № 1. С. 123–133.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.

Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года [Элек-

тронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml.

Делюсин Л. Вопрос о правах человека в Китае // Аналитические записки. № 6. М. : МГИМО, 2006.

Заявление главы делегации КНР Ша Цзукана, 58-е заседание Комиссии по правам человека, 2002/04/08 [Электронный ресурс]. URL: www.china-un.org.

Каидзука Сигэки. Конфуций. Первый учитель Поднебесной. М. : Центрполиграф, 2007.

Кирхшлегер П. Демократия и права человека // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 12–39.

Китай опровергает обвинения США в области прав и свобод человека [Электронный ресурс] : EastMania.com. 2014. 11 декабря. URL: <http://east-mania.com/archives/1604>.

Прогресс Китая в защите прав человека (Белая книга). Китайский информационный интернет-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32917.htm>.

Ситуацию с защитой прав человека невозможно сделать идеальной, ее можно лишь улучшить – Си Цзиньпин [Электронный ресурс] : Жэньминь Жибао. 2012. 16 февраля. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7730660.html> (дата обращения: 24.03.2015).

Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 3–12.

Цыганков П. А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // Приватизация мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2008.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2014.

A source Book in Chinese Philosophy // transl. and comp. by Wing-Tsit Chan. New Jersey : Princeton University Press, 1963.

Bettati M. Le droit d'ingérence. Mutation de l'ordre international. Paris : Éditions Odile Jacob, 1996.

Brems E. Human Rights: Universality and Diversity. The Hague; Boston; London : Martinus Nijhoff Publishers, 2001.

De Gaay Fortman B. Human Rights in the Context of International Relations [Электронный ресурс] : E-international relations. 2011. July. URL: <http://www.e-ir.info/2011/07/30/human-rights-in-the-context-of-international-relations-a-critical-appraisal> (дата обращения: 04.02.2015).

Pinghua Sun. Human Rights Protection System in China. New York : Springer, 2013.

Rabet D. Human Rights and Globalization: The Myth of Corporate Social Responsibility // Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences. 2009. May. Vol. 1. No. 2.

Rieff D. Goodbye, New World Order // Mother Jones. 2003. No 28(4).

Resolution of the General Assembly 65/33. 2010. 6 December [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/65/33.

Robertson R. Globalization. London, 1992.

Sceats S., Breslin S. *China and the International Human Rights System*. London : Chatham House, 2012.

Shelton D. Protecting Human Rights in a Globalized World [Электронный ресурс] : Boston College International and Comparative Law Review. Vol. 25 Iss. 2 Symposium: Globalization & the Erosion of Sovereignty in Honor of Professor Lichtenstein. URL: <http://lawdigitalcommons.bc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1172&context=iclr> (дата обращения: 03.12.2014).

Silencing the Messenger: 2014 Annual Report on the Situation of Human Rights Defenders in China [сайт]. URL: <http://chrnet.com/> (дата обращения: 14.03.2015).

Svensson M. *Debating Human Rights in China: A Conceptual and Political History*. Lanham : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2006.

Waters M. *Globalization*. London; New York, 1995.